

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920–1930-х гг. (ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В 1920 – 1930-е гг. глубокие социально-экономические преобразования в СССР негативно повлияли на процессы воспроизводства городского населения. В 1933 г. резкое повышение смертности привело к демографической катастрофе. Основными причинами увеличения смертности были проблемы с продовольствием и инфекционные заболевания.

Ключевые слова: городское население, рождаемость, смертность, демографическая катастрофа, Средний Урал.

Период с 1920–1930-х гг. занимает особое место по сложности происходивших в то время социально-экономических процессов: форсированная индустриализация, раскулачивание и голод 1932–1933 гг., политические репрессии. Особый интерес в связи с этим представляет изучение демографической ситуации в городах, поскольку изменения в рождаемости и смертности городского населения определили его особую роль в начале демографического перехода.

В данной статье рассматривается население городских поселений Среднего Урала, которые с 1923 г. были в составе Верх-Камского, Пермского, Кунгурского, Нижнетагильского, Ирбитского, Свердловского, частично Сарапульского и Шадринского округов, а в 1934 г. были включены в Свердловскую область. В состав Свердловской области [1, с. 79–83.] вошли городские поселения как Прикамского региона, которые в 1938 г. отойдут в Пермскую область, так и городские поселения, которые после 1938 г. остались в составе Свердловской области [2, с. 533.].

В последнее время усилился интерес к демографической истории городского населения Урала. Среди исследователей можно выделить труды А.И. Кузьмина, А.Г. Оруджиевой, В.А. Журавлевой, Г.Е. Корнилова, С.Ю. Баранова, Н.А. Михалева и др. [3–7].

Свердловская область являлась одной из наиболее урбанизированных территорий: в 1934 г. 73 % от общего числа городских поселений Уральской области вошли в состав области [8, с. 98–99]. По данным переписей, численность городского населения (городов и рабочих поселков) [9, с. 89–90] рассматриваемой территории увеличилась с 1 119 368 чел. в 1926 г. до 2 331 176 чел. в 1939 г., т. е. более чем в 2 раза. Если в 1926 г. доля городского населения составляла 32 % от общей численности населения региона, то по переписям 1937 г. и 1939 г. доля городского населения была равна 51 % [10, с. 56–57; 11, с. 126, 288].

По переписи 1926 г. доля детей составила 33 %, людей старше 60 лет – 5,8 %, т. е. удельный вес детей значительно превышает удельный вес прародителей [8, с. 162–239]. Из этого следует, что возрастная структура городского населения относится к прогрессивному типу. Поскольку удельный вес людей старше 60 лет ниже 8 %, то можно говорить о том, что городское население находилось на этапе демографической молодости согласно шкале демографического старения Ж. Божь-Гарнье-Э. Росета. Перепись 1939 г. зафиксировала уменьшение удельной доли людей в возрасте

* © Чащин А.В., 2010

Чащин Алексей Владимирович (kchashin@yandex.ru), Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 620026, Россия, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56.

старше 60 лет до 4,7 %, удельная доля детей уменьшилась не столь значительно — до 32,4% [11, с. 126, 288].

Таблица 1

**Воспроизводство городского населения на территории
Среднего Урала в 1928–1939 гг. (на 1000 чел.)**

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Младенческая смертность
1927	50,1	29	21,1	—
1928	48,6	25	23,6	202,8
1929	42,9	24,7	18,2	236,1
1930	40,8	26,8	14	251
1931	35,4	29	6,4	274,2
1932	34,2	31	3,2	298,4
1933	32,3	48,6	-16,3	268,3
1934	34	30,1	3,9	216,2
1935	38	20,7	17,3	201,7
1936	39,3	26	13,3	266,2
1937	45,5	26,5	19	266,2
1938	43,1	22	21,1	214,3
1939	41,1	26,9	14,2	226,2
1940	38,8	26,1	12,7	261

Примечание. Таблица составлена по: Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1812. Оп. 2. Д.33. Л.39–42; Д. 170. Л. 2–8 об.; Д. 171. Л. 1–7; Д. 172. Л. 1; Ф. Р-1813. Оп.1. Д. 98. Л. 5; Д. 99. Л. 7; Д. 100. Л. 5; Д. 101. Л. 6; Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-493. Оп. 3. Д. 7216. Л. 196–198 об., Оп. 11. Д.1. Л. 1–19, 50–61, Д. 4. Л. 17–19 об.; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 49. Л.2; Д. 52. Л. 101–101 об.; Д. 192. Л. 73, 151; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 23. Д. 86. Л. 83–86; Д. 134. Л. 62–77.

Из анализа табл. 1 видно, что во второй половине 1920-х гг. в городах Среднего Урала показатель рождаемости, согласно шкале коэффициентов рождаемости Б.Ц. Урланиса, был на очень высоком уровне, практически достигая физиологического максимума [12]. Однако с конца 1920-х гг. наблюдается тенденция к снижению рождаемости, что было связано с быстрыми и глубокими изменениями в прокреативном поведении. Показатели рождаемости в начале 1930-х гг. были значительно ниже, чем в предыдущий период. Резкий рост смертности совместно со снижением рождаемости лежал в основе демографической катастрофы в 1932–1934 гг.* [13, с. 9–10]. Резкий рост рождаемости после демографической катастрофы, согласно мнению В.А. Исупова, связан с компенсаторной волной ранее отложенных рождений. Пик данной волны приходится на 1937 г., после чего вновь наблюдается тенденция к снижению рождаемости. После демографической катастрофы показатели рождаемости хотя и выросли, однако они не превышали показателей 1926–1927 гг. В конце 1930-х гг. данная тенденция вызывала серьезную обеспокоенность среди специалистов Управления народнохозяйственного учета, поскольку не соответствовала ранее сделанным прогнозам о естественном приросте населения [14. Л. 98–98 об.].

* «Демографическая катастрофа», согласно определению В.А. Исупова, — это резкий рост смертности в течение короткого периода времени на фоне снижающейся рождаемости.

Смертность, превышая 25 %, даже в достаточно благополучные годы находилась на очень высоком уровне согласно шкале оценки уровня общего коэффициента смертности [15, с. 133.]. Например, в целом по СССР смертность городского населения в 1929 г. составила 16,8‰, в 1930 г. – 18 %, в 1931 г. – 20,1 %, 1932 г. – 22,2 %, в 1933 г. – 33,8 %, в 1934 г. – 19,4 % [16. Л. 1–4]. Смертность, как видно из табл. 1, являлась основной причиной низкого естественного прироста в начале 1930-х гг., а в 1933 г. причиной естественной убыли населения. Стоит также отметить, что в конце 1920-х гг. смертность увеличивалась год от года при одновременном снижении рождаемости. Из этого следует, что увеличение смертности происходило не из-за роста младенческой смертности, а за счет увеличения смертности в других возрастных группах. Наоборот, после 1935 г. наблюдается корреляция между ростом рождаемости и смертности. В целом также, как и в случае с рождаемостью, во второй половине 1930-х гг. можно говорить о тенденции снижения смертности.

Младенческая смертность растет вплоть до 1932 г., несмотря на снижение рождаемости, что говорит об ухудшении условий жизни, невозможности должного ухода за младенцами. Снижение младенческой смертности в 1933 г. можно объяснить уменьшением рождаемости в предыдущий период. Рост рождаемости с 1935 г. привел и к росту младенческой смертности. Однако с 1937 г. вновь наблюдается тенденция к росту младенческой смертности при снижении рождаемости. Рост младенческой смертности, как неоднократно отмечалось в отчетах Уральского народнохозяйственного учета, связан с ростом числа инфекционных заболеваний: кори, дизентерии, скарлатины, коклюша [17. Л. 79].

Из анализа табл. 2 видно, что в возрастных группах наибольший процент смертей падал на возраст до 1 года. Если в 1933 г. доля умерших до одного года от общего числа смертей составляла 20,5 %, то в 1937 г. их доля увеличивалась до 42,3 %. Это говорит о снижении смертности в старших возрастных группах. Например, если в 1933 г. на возрастную группу 20 – 29 лет приходилось 7,1 % от общего числа смертей, то в 1937 г. уже 5,1%.

Таблица 2

**Распределение смертей по возрастным группам
на территории Свердловской области 1933 и 1937 гг., %**

Возрастные группы	1933 г.	1937 г.
0-9 лет	43,7	64
в т. ч. до 1 года	20,5	42,3
10-19 лет	3,4	2,7
20-29 лет	7,1	5
30-39 лет	6,3	5,1
40-49 лет	7,4	4,1
50-59 лет	8,7	4,5
60-69 лет	8,8	4,6
70 лет и старше	10	5,5
неизвестный возраст	2,9	0,1
Итого	100	100

Примечание. Таблица составлена по: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-374. Оп. 23. Д. 225. Л. 152–152 об.; ГАСО. Ф. Р-1812. Оп.2. Д. 172. Л. 51–51 об.; Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–2.

Одной из причин высокой смертности, особенно в начале 1930-х гг., был голод, который, согласно типологии П.А. Сорокина, выражается как в форме абсолютного голода, так и форме латентного голода или недоедания [18, с. 190–197; 19, с. 48]. Обращает на себя внимание эпидемия цинги. Причиной заболевания цингой являются некачественное питание и недостаток витаминов. В апреле 1933 г. отмечалось: «Указанные сведения надо считать, безусловно, преуменьшенными в несколько раз, во-первых, и, во-вторых, в группу “цинга” входит не только действительно цинга, но и безбелковые отеки <...> регистрируются, как правило, исключительно тяжелые случаи безбелковых отеков с признаками огромного истощения, с неподдающимися лечению поносами. Безбелковые отеки, осложненные поносами, дают огромнейшую смертность» [20. Л. 357 об.]. В материалах сводок ОГПУ по городу Перми в 1932 г. были зафиксированы высказывания рабочей завода им. Дзержинского: «Дожили, я видела сама на черном рынке, как мужчина умирал с голоду, прохожие давали корки хлеба, но он есть уже не мог» [21. Л. 2]. При этом другая работница добавила, что у ее знакомого умерло двое ребят с голоду [21. Л. 2]. Рабочий железнодорожной станции Алапаевск в сентябре 1933 г. высказывал недовольство: «Я тоже работать не буду, возьму расчет лишь потому, что не достает пайка, приходится сидеть голодом по четыре дня» [22. Л. 103]. В другой сводке пермский рабочий возмущался: «Мы, товарищи, идем не к социализму, а к провализму. В конце-то концов, изорвет голодом. Когда же кончится это мучение?» [23. Л. 72–76].

Высокая смертность во многом была связана с эпидемиями инфекционных заболеваний, таких как сыпной и брюшной тиф, оспа, корь, скарлатина, туберкулез [24, с. 211–216; 25, с. 373–376]. Наличие эпидемий было связано с тяжелыми материально-бытовыми условиями, нехваткой медицинского персонала, что в свою очередь было обусловлено политикой форсированной индустриализации и коллективизации. Активный рост городского населения не обеспечивался соответственным ростом социальной инфраструктуры, что приводило к переполнению жилых помещений, антисанитарному состоянию городских поселений. Например, рабочий из Чусового в 1933 г. возмущался, что «...в бараках хуже, чем в конюшне: нет дров, нет воды, некоторые рабочие ударники живут по полгода и спят на нарах, на голых досках» [26. Л. 72]. Типичным для Урала является описание бараков Нижнего Тагила из справки, предоставленной в 1933 г. секретарю Уральского обкома тов. И.Д. Кабакову: «Вот, например, барак № 2 и № 4 железного цеха: грязь, клопы. В комнатах холодно, по бараку свободно гуляет ветер, щели в 2 пальца» [26. Л. 72].

Таким образом, в течение 1926–1940 гг. численность городского населения увеличивается более чем в два раза, что было вызвано активным промышленным строительством. В структуре городского населения сохранилось преобладание детей и подростков при уменьшении доли лиц преклонного возраста, т. е. городское население Урала было по преимуществу молодым. Одним из последствий политики форсированной индустриализации и коллективизации был голод, который в разной степени охватывал городское население в течение всего анализируемого периода. Особенно выделяется период демографической катастрофы 1932–1933 гг. Другие причины, способствовавшие росту смертности, были связаны с нехваткой жилья, социальной инфраструктуры, что приводило к высокой смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний. Неблагоприятные внешние условия способствовали сохранению высокой младенческой смертности. Среди ее причин выделяются, прежде всего, болезни экзогенного характера, что в целом характерно для традиционного общества. В воспроизводстве населения намечаются лишь слабые тенденции к снижению как рождаемости, так смертности, что указывает лишь на самое начало демографического перехода.

Библиографический список

1. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 марта 1937 г. М., 1937.
2. Уральская историческая энциклопедия / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург, 2000.
3. Баранов Е.Ю. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928-1934 гг.: монография. М., 2009.
4. Население Урала. XX век. История демографического развития /А.И. Кузьмин [и др.]. Екатеринбург, 1996.
5. Журавлева В.А. Естественное воспроизводство городского населения Урала в 20–30-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2006. Вып. 7. С. 33–37.
6. Кузьмин А.И. Семья на Урале: аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993.
7. Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (историко-демографический анализ). Екатеринбург, 2010.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. М., 1928. Т. 4.
9. Народонаселение. Энциклопедический словарь / гл. ред. Г.Г. Меликьян. М., 1994.
10. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007.
11. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. Екатеринбург, 2002.
12. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.
13. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. Новосибирск, 2000.
14. ГАПК. Ф. Р-493. Оп. 3. Д. 7217.
15. Стеценко С.Г., Козаченко И.В. Демографическая статистика. Киев, 1981.
16. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131.
17. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 31. Д. 117.
18. Баранов Е.Ю. Продовольственное обеспечение уральского города в условиях форсированной индустриализации // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты / отв. ред. С.С. Букин. Новосибирск, 2010.
19. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
20. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3387.
21. ПермГАНИ (Пермский государственный архив новейшей истории). Ф. 1. Оп. 1. Д. 493.
22. ЦДООСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 418.
23. ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 612.
24. Чашин А.В. Эпидемиологическая обстановка в Уральской области в 1923–1934 гг. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сборник материалов III региональной молодежной научной конференции. Новосибирск, 2009.
25. Чашин А.В. Эпидемиологическая обстановка на Урале в 1930-е гг. // Восьмые Татищевские чтения: доклады и сообщения / под ред. В.В. Запария, С.П. Постникова. Екатеринбург, 2010.
26. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 277.

*A.V. Chashchin**

**CITIES' POPULATION OF MIDDLE URAL IN THE SECOND HALF
OF 1920–1930-IES (HISTORICAL-DEMOGRAPHIC ANALYSIS)**

At the end of the 1920–1930-ies fundamental socio-economic transformations in the USSR influenced negatively on the reproduction of cities' population. In 1933 sharp increase of mortality led to demographic catastrophe. The main reasons of mortality rise were problems with supply and infectious diseases.

Key words: urban population, birth-rate, mortality, demographic catastrophe, middle Ural.

* *Chashchin Aleksey Vladimirovich* (kchashin@yandex.ru), The Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, 620026, Russia.